2011 ГОД

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

II (МУНИЦИПАЛЬНЫЙ) ЭТАП

8 КЛАСС

Перед Вами рассказ Фёдора Сологуба «Лелька». Сделайте комплексный анализ представленного текста.

* * *

Вечерело. Я шел за город побродить на берегах нашей мелкой, порожистой реки. В старину она была многоводна, пролегал по ней великий путь из Чуди в Русь, — а теперь она давно ух обмелела, сжалась в своем широком русле, как червяк на зеленом листе, и затихла, — и сжался, затих и приуныл над ее берегом, извилистым и крутым, когда-то богатый город Тихий-Омут.

Вечер стоял тихий, теплый, благоухающий свежими веяниями не жаркого лета, полный очарования, как нежная колыбельная песенка. Солнце было уже низко: багряно-желтый круг его почти касался мглисто-синей черты горизонта; темно-лиловые тучки с золотыми краями были разбросаны по розовому небу заката. Все небо заливали восхитительно мягкие переливы голубых, алых и палевых оттенков; узкие полоски тонких облачков желтели и белели на нем, как прилипшие к нарядному платью засохшие стебли. Прощальные солнечные лучи убирали в пурпур бедные городские лачуги. Серая пыль иногда подымалась от набегавшего ветра, влеклась по немощеным улицам, и тихонько ложилась на землю.

Я вышел на обрывистый берег реки. Откосы другого берега начинали терять свои ярко-пунцовые краски; только верхи крутых обрывов еще сверкали темно-красною, как медь, глиною. Внизу слегка дымился туман, еще почти не видный, заметный лишь по тому, как скрадывались им очертания берега: словно прильнула река близко-близко к обрывистым берегам, и, тая, целовала их, и таял угрюмый берег, целуя журчащую воду.

Глинистая тропинка бежала между откосами берега и широкими полями. Кусты ползли вниз по откосам, цепляясь за землю изогнутыми ветвями и схватываясь ими друг с другом, словно сгорбленные старушки, тихо ползущие в гору. Становилось в воздухе свежее.

Берег понижался. В прозрачной полумгле, которую ласково бросали на меня ивы с пониклых ветвей своих, меня обнимала нежная прохлада; воздух вливался в грудь, как сладкий напиток, возбуждающий трепет сил и жажду жизни, навевающий отрадные мечтания. Легкая задумчивость овладела мною. Вдруг услышал я детский голос, звонко и отчетливо выговаривающий стихи:

Не знаю отчего, но на груди природы,
Лежит ли предо мной полей немая даль,
Колышет ли залив серебряные воды.
Иль простилает лес задумчивые своды,
В душе моей встает неясная печаль…

А вот и он, маленький чтец. Лицом к реке, под ивою, прислонясь к ее стволу спиною и рассеянно глядя вдаль, сидел тоненький мальчик в ситцевой рубахе и помятой шапке. Ему по лицу можно было дать лет тринадцать; он был, очевидно, мал для своего возраста. На бледном, нервно-подвижном лице, слегка смуглом и загорелом мечтательно теплились кроткие карие глаза. Так они пристально смотрели куда-то далеко, что мальчик и не видел меня, даже когда совсем близко подошел я к нему.

Он говорил стихи на память, и, сложив руки на коленях, слегка покачивался взад и вперед. Говорил он их задушевно и просто, как будто это были не чужие для него слова. Было так странно видеть этого босого мальчугана, который читает стихи, вряд ли ему вполне ясные.

Она — всегда немая Галатея,

А я — страдающий, любя, Пигмалион…

— закончил мальчик и повел вперед сжатыми руками.

Я молча стоял сбоку, немного позади его. Он повернулся, бросил на меня рассеянный взгляд, приметил меня и быстро вскочил на ноги.

— Хорошо ты читаешь, молодец! — сказал я.

Он покраснел и молчал. Видно было, что ему хочется уйти. Но я решил как-нибудь удержать его. Невдалеке от реки я заметил небольшой домик, старенький, погнувшийся, с небольшими, тусклыми окнами.

— Ты не здесь ли живешь? — спросил я, показывая на эту лачугу.

— Да, — тихо ответил мальчик.

Это был самый крайний дом подгородной слободы Подолешья, населенный бедным людом. На плетне, которым обнесен был двор, я увидел растянутые сети. У берега виднелась лодка, привязанная не прочною, с узлами, бечевкою к тому дереву, под которым мы стояли.

— А это — твоя лодка? — спросил я.

— Отцова, — ответил мальчик.

— А ты с нею справишься? Мальчуган легонько усмехнулся.

— Справлюсь, что ж, — сказал он.

— Так прокати меня по реке. Я тебе заплачу, — сказал я. Мальчик глянул на меня и ответил:

— Ладно, вот только у отца спрошусь.

Он побежал в избу. Через минуту на пороге ее показался хозяин, — маленький, тощий человек с мочальною бородкою и смирною улыбкою на бледном лице. Он подошел ко мне, кланяясь с некоторым подобострастием. Я и ему сказал, чего хочу. Он вызвался сам сесть со мною. Я отказался.

— Справимся с мальчуганом, — сказал я.

Тогда он суетливо задвигался по двору, покрикивая на сына:

— Ну, живей, живей, Лелька, пошевеливайся.

Лелька побежал в сарай за веслами, потом в избу, собрался в миг, — и выбежал ко мне. Вот уселись мы вдвоем на узеньких и неудобных беседочках лодки; вода тихо зашумела под веслами. Мы плыли вниз по течению.

Я скоро взял у мальчика весла, и стал посреди лодки. Мальчик не обнаруживал большой охоты говорить, и вначале только отвечал на вопросы. Но мало-помалу мы разговорились.

— Любишь ты стихи? — спросил я.

— Люблю, — ответил он, слегка краснея, и прибавил вдруг, засмеявшись и весело взмахнув головою: — я много стихов знаю.

— Учишься где-нибудь? — опять спросил я.

— Учусь, как же, — в городское училище хожу. Прежде ходил в приходское. Кончил там, — отец меня сперва хотел к сапожнику отдать в ученье,- а я ему говорю: я лучше, говорю, в городское училище поступлю, там тоже мастерская есть. Ну отец и согласился. Я в поступил в училище, и в столярную стал тоже ходить, у нас при училище есть столярная. Теперь еще два года остается.

Меж тем вечерняя мгла сгущалась внизу, и только на небе еще теплились розоватые потухающие отблески догоравшего дня. Плеск весел по воде раздавался мягко и звучно. Было тихо, — мы тихо разговаривали, берега медленно двигались, течение несло нас вперед.

Берега раздвинулись, река разлилась вдвое шире, заструилась ленивей и глаже; перед нами легла сероватая гряда камней, мельничная запруда. Все слышнее и слышнее доносилось до нас журчание воды, которая, лениво переливаясь через плотину, падала на фашинник и камни. Мы подъехали близко к запруде, — и повернули назад. Опять береговые тени побежали навстречу взмахам весел.

Я попросил мальчика прочесть мне еще какие-нибудь стихи. Он сперва застыдился, но потом все-таки прочел мне два стихотворения, — из Лермонтова и Некрасова. Мне стало грустно; рассеянно слушая, вспоминал я, что все подростки, все юноши, которых я встречал, предпочитали стихи с печальным содержанием.

Он помолчал.

— А вот, я вам еще скажу стихи, — промолвил он, слегка дрогнувшим голосом, почему-то смущаясь больше прежнего.

— Прочти, милый, — сказал я, — ты хорошо читаешь. Он сказал незнакомое мне стихотворение. Сначала голос его был робок и тих, но мальчик быстро справился со своим волнением. Стихи были слабы по форме, но подкупали искренностью и свежестью чувства.

— Чьи же это стихи? — спросил я, когда он кончил. Мальчик покраснел, замялся, поежился и сказал тихонько:

— Мои. Самодельные, — прибавил он, и глянул на меня смущенными и смеющимися глазами.

— Вот как! — сказал я с удивлением, — так ты, брат, сочинитель!

— Да. Только вы отцу не сказывайте, что я вам читал.

— А что?

— Да уж так. Пожалуй, опять достанется.

— А уж доставалось?

Мальчик помолчал немного, — и начал рассказывать по порядку:

— Сочинять-то стихи я давно начал, а только показать их некому было. Вот в прошедшую зиму я и надумал, дай, думаю, покажу их учителю. Ну, он прочел, — ничего, похвалил, — говорит, надо работать, ты, говорит, можешь научиться хорошие стихи писать. Стал мне книжки давать. Вот от него и другие наши учителя узнали. Ну, вот, раз и вышло так, что меня батюшка по священной истории урок отвечать вызвал, а я не выучил в тот раз. И совсем не от стихов, а вовсе другая причина была. А батюшка и говорит: ты, говорит, только стихи сочиняешь, а уроков не учишь; еще и на нас, может быть, спасквили пишешь, говорит; погоди, говорит, вот я уже твоему отцу скажу. Отец у него печи тогда как раз чинил. Вот батюшка ему в тот же день на меня нажаловался.

Он опять помолчал, внимательно посмотрел на меня, и продолжал:

— Ну, мне от отца шибко попало. Взялся, говорит учиться, — это отец мне говорит, — так учись, а глупостями не занимайся. Денег-то у меня нет, говорит, шальных, чтобы Ты попусту в школе околачивался, к шорнику, говорит, отдам в ученье, коли еще чуть что. А коли в школу, говорит, хочешь ходить, так о пустяках и не думай. И взял все мои тетрадки со стихами, да и пожег.

Он досадливо и стыдливо нахмурился при этих словах: видно было, что он сильно жалел об этих пожженных тетрадках.

— Так как же ты теперь? — спросил я.

— А теперь я потихоньку пишу, и никому не показываю. Становилось все темнее, надвигалась ночь. Мне было грустно и странно смотреть на этого мальчика. Что из него выйдет? Мечта представляла мне угол сарая, полуосвещенный отблесками тонких солнечных лучей, пыльными спицами бегущих из многочисленных щелей в стенах и в потолке; там, на сене, мальчик с пылающим лицом и с блестящими глазами; в руках у него карандаш и тетрадка; взволнованно дышит грудь, озабоченное лицо выдает тайну недетского напряжения мысли. Не преждевременно ли это напряжение? Не бесплодно ли оно? Или и точно это сила, стремящаяся найти себе исход в свободной деятельности, — сила, которая победит препятствия?

Лодка причалила к берегу возле городского бульвара. Я молча вышел из лодки на шаткие доски, прилаженные для прачек, и опустил в Лелькину руку две серебряные монеты. Он весело поблагодарил меня, сунул деньги, не поглядев на них, в карман, уселся, и веслом отпихнул от берега лодку. Плеснули весла, жалобно зароптали речные струи, плещась и разбегаясь, и повлекли за собою, в мглистый туман, остроносый челнок.

— Покойной ночи, — крикнул мне Лелька с реки, заметив, что я еще стою на берегу.

Звонкий голосок пронесся в ночной тишине, словно бряканье колокольчика, разбудил где-то далеко слабый и короткий отголосок, — и затих. И скоро затихли в отдалении мерные всплески весел.